

В САМОМ НАЧАЛЕ

Книга должна где-нибудь начинаться. Одна отважная буква должна первой шагнуть в строку, начав собой шеренгу добровольцев, и вдохновить своей смелостью первое слово, за которым потянется предложение. Так постепенно набирается абзац, затем страница, и вот уже на подходе вся книга, она рождается, она обретает и пробует голос.

Книга должна где-нибудь начинаться — и эта книга начинается здесь.

МАЛЬЧИК

«Тсс... Послушайте!»

Это моя Книга, и она разговаривает с вами. Слышите?

Ничего страшного, если не слышите. Это не ваша вина. Вещи все время разговаривают, нужно просто научиться их слушать, если уши ещё не настроены.

Для начала можно воспользоваться глазами, потому что глаза — это просто. Посмотрите на вещи перед собой. Что вы видите? Судя по всему, книгу, и уже очевидно, что эта книга с вами разговаривает, так что попробуем теперь что-нибудь более сложное. Стул, на котором вы сидите. Карандаш в кармане. Кроссовка на ноге. Все еще не слышите? Тогда встаньте на колени и положите голову на стул или снимите ботинок и поднесите его к уху. Хотя нет, погодите — если вокруг люди, они подумают, что вы сошли с ума, так что потренируйтесь пока с карандашом. Карандаш хранит в себе целые истории, и он безопасен, если только не втыкать его острием себе в ухо. Просто поднесите его к голове и прислушайтесь. Слышите шепот дерева? Призрак сосны? Борьмотание свинца?

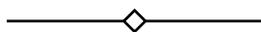
Иногда голосов бывает несколько. Бывает, от одной вещи исходит целый хор голосов, особенно если это какое-нибудь искусственное изделие, прошедшее через цепочку разных изготовителей. Но не пугайтесь. Думаю, всё зависит от того, что за день был тогда в Гуандуне или Лаосе, или где там стоит их старая потогонная фабрика. Если денек выдался хороший и если их там посетила приятная мысль в тот самый момент, когда эта, скажем, втулка прокатилась по конвейеру и прошла через их руки, тогда эта добрая мысль и застряла в ее отверстии. Порой это даже не столько мысль, сколько чувство. Приятное тёплое чувство, ну, например, любовь. Такое солнечно-жёлтое.

Но если так случилось, что в шнурках вашей обуви запуталось чувство печали или даже злости, тогда берегитесь, ведь такая обувь может отколоть номер — например, подвести ваши ноги к витрине магазина «Найк», которую вы вдобавок разобьете бейсбольной битой, выточенной из озлобленного дерева. Если такое случится, не вините себя. Просто извинитесь перед витриной, попросите прощения у стекла, но что бы вы ни натворили, не пытайтесь ничего объяснять людям. Полицейского, который вас задержит, не волнуют отвратительные условия труда на фабрике бейсбольных бит. Его не впечатлят истории бензопилы или того крепкого ясеня, которым эта бита была раньше, так что держите рот на замке. Сохраняйте спокойствие. Будьте вежливы. Не забывайте дышать.

Самое главное — не расстраиваться, иначе эти голоса возьмут верх и завладеют вашим разумом. Вещи — они приставучие. Они любят занимать место. Им нужно внимание, и если дать им волю, они могут свести с ума. Так что помните: нужно быть кем-то вроде авиадиспетчера... нет, стоп, лучше дирижером большого духового оркестра, состоящего из всего этого джазового хлама на планете. Так, словно паришь где-нибудь в космическом пространстве, стоя во фраке на этой огромной всемирной мусорной куче, твои волосы зачесаны назад, дирижерская палочка возносится вверх — и вот на какой-то прекрасный краткий миг нетерпеливые голоса столпившихся вокруг тебя вещей стихают в ожидании твоего знака.

Музыка или безумие. Все зависит от вас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМ

*Всякая страсть граничит с хаосом, но страсть
коллекционера граничит с хаосом воспоминаний.*

Вальтер Беньямин
«Я распаковываю свою библиотеку»

КНИГА

1

Значит, начнем с голосов.

Когда он начал их слышать? Когда был ещё совсем маленьким? Вообще-то, Бенни всегда был маленьким, он рос медленно, словно клетки его тела не хотели размножаться и занимать место в этом мире. А когда ему исполнилось двенадцать, он вообще практически перестал расти — в том самом году, когда погиб его отец, а мать начала полнеть. Казалось даже, что Бенни потихоньку уменьшается по мере того, как увеличивается Аннабель — как будто она выпитывает горе своего маленького сына вместе со своим горем.

Да. Как-то так.

Выходит, голоса и начались примерно тогда, вскоре после гибели Кенни? Он попал под машину — точнее сказать, под грузовик. Кенни Оу был джазовым кларнетистом — правда, его настоящее имя было Кенджи, и мы будем называть его так. Играл он в основном свинг и биг-бэнд¹, на свадьбах и бар-мицвах, а еще в модных хипстерских клубах в центре города, где тусуются бородатые чуваки в порк-паях², клетчатых рубашках и потертых твидовых пиджаках Армии спасения. Так вот, он отыграл концерт, а потом выпил со своими друзьями-музыкантами, а может, курнул, или что-то в этом роде — совсем немного, но достаточно, чтобы не чувствовать необходимости сразу встать, споткнувшись и упав в переулке по дороге домой. Он лежал недалеко от дома, всего в нескольких метрах от покосившейся калитки, которая вела к заднему крыльцу его дома. Проползи он ещё нем-

¹ Свинг — это разновидность музыки, которую можно играть на любом инструменте или комбинации инструментов (*прим. ред.*).

Музыка биг-бэнда — это любая музыка, исполняемая биг-бэндом.

² Шляпа с круглой плоской тульей, похожей на традиционный свиной пирог.

ного, и все бы обошлось, но он вместо этого просто лежал на спине, в пятне тусклого света от уличного фонаря, у мусорного бака Благотворительного магазина Евангельской миссии. Долгие зимние холода уже отступали, и в переулке висел весенний туман. Кенджи лежал там, глядя на луч света и роившиеся в нем крохотные капельки влаги. Он был пьян. Или под кайфом. Или и то, и другое. Свет был прекрасен. В тот день Кенджи поругался с женой. Возможно, он сожалел об этом. Может быть, он мысленно клялся, что исправится. Кто знает, что он там делал? Может быть, он заснул. Будем надеяться, что так. Во всяком случае, он ещё лежал там, когда примерно через час в переулок с грохотом ворвался грузовик оптовой доставки.

Водитель грузовика не виноват. Дорога в переулке была вся в выбоинах и колдобинах. На ней валялись полупустые мешки с мусором, объедки, промокшие тряпки и обломки бытовой техники, которые оставили там любители рыться в мусорных баках. Тусклым серым ранним утром, в туман, водитель не смог разглядеть во всем этом хламе стройное тело музыканта, которого к тому же успели облепить со всех сторон вороны. Вороны были друзьями Кенджи. Они просто хотели помочь, прикрыть его от холода и сырости, но все же знают, что вороны любят мусор. Стоит ли удивляться, что водитель грузовика принял Кенджи за мешок с отходами? Водитель ненавидел ворон. Вороны приносят несчастье, поэтому он направил грузовик прямо на них. В кузове были ящики с живыми цыплятами для китайской бойни на том конце переулка. Шофер нажал на газ и почувствовал, как машина подскочила, наехав на тело, взлетевшие вороны закрыли ему обзор, и машина, потеряв управление, врезалась в погрузочную площадку типографии «Вечное Счастье Лимитед». Грузовик опрокинулся, и ящики с цыплятами разлетелись в разные стороны.

Окно спальни Бенни выходило на ту самую мусорку, и он проснулся от птичьего гама. Он немного полежал, вслушиваясь. Хлопнула входная дверь. Потом из переулка донесся высокий тонкий крик — разматываясь, как веревка, звук дотянулся до окна и, словно живое щупальце, вцепился в Бенни и потащил его из постели. Бенни подошел к окну, раздвинул занавески и выглянул на улицу. Небо ещё только начинало светлеть. Он увидел опрокинутый набок грузовик: колеса его крутились, а все пространство вокруг него было заполнено летающими перьями и хлопающими крыльями. Хотя выросшие в клетках цыплята вообще-то не уме-

ли летать. Они даже не были похожи на птиц. Это были какие-то Трибблы¹ — маленькие белые существа, разбегающиеся во тьму. Тонкий крик натянулся, как проволока, привлекая внимание Бенни к его, звука и самого Бенни, источнику, призрачной фигуре, окутанной облачком святающегося тумана — его матери.

Она стояла там в ночной рубашке, одна в круге света от уличного фонаря. Все вокруг нее было в движении, птичьи перья кружились, как снег, но она стояла совершенно неподвижно — как окаменевшая принцесса, подумал Бенни. Она смотрела вниз, на что-то, лежащее на земле, и через мгновение он понял, что это что-то — его отец. Из окна спальни Бенни не видел его лица, но он узнал его ноги, они были согнуты и дергались так же, как когда Кенджи танцевал, только в этот раз он лежал на боку.

Мать сделала шаг вперёд и с криком «Не-е-ет!» рухнула на колени. Её густые золотистые волосы, ярко сиявшие в свете фонаря, рассыпались по плечам и заслонили голову мужа. Склонившись над ним, она пыталась приподнять его и причитала: «Нет, Кенджи, нет, нет, пожалуйста, прости, я не хотела...»

Слышал ли он её? Если бы он в этот момент открыл глаза, то увидел бы прекрасное лицо своей жены, нависшее над ним, как бледная луна. Может быть, он это увидел. Он увидел бы ворон, которые сидели на крышах и качающихся проводах и наблюдали за происходящим. А посмотрев через плечо жены, Кенджи, наверное, увидел бы и своего сына, глядевшего на него из далекого окна. Будем считать, что он все это увидел, потому что тут его ноги перестали дергаться и замерли. И если Аннабель в тот момент была его луной, то Бенни был далекой звездой, ярко сиявшей на бледном рассветном небе, и, увидев сына, он попытался приподнять руку и пошевелить пальцами.

Словно рукой мне помахал, думал Бенни впоследствии. Словно рукой помахал на прощание.

Кенджи умер по дороге в больницу, и похороны должны были состояться на следующей неделе. Все приготовления пришлось делать Аннабель, хоть она и не сильна была в таких вопросах. У Кенджи было много друзей, но к себе домой они с Аннабель никого не приглашали. У неё самой друзей практически не было.

¹ Вымышленный инопланетный вид по вселенной «Звездного пути».

Служащий в погребальной конторе задал ей много вопросов о семье и религиозной вере покойного, но она не смогла на них ответить. Насколько ей было известно, у Кенджи не было семьи. Он родился в Хиросиме, но его родители умерли, когда он был ещё маленьким. Его сестрёнку, в то время совсем малышку, отправили жить к дяде с тетей, а Кенджи рос у дедушки с бабушкой в Киото. Он не любил рассказывать о своём детстве. Говорил только, что дедушка и бабушка были очень старомодными и строгими и он с ними не ладил. Но теперь их, конечно, уже не было в живых. Сестра, вероятно, была жива, но Кенджи давно потерял ее из виду. В самом начале совместной жизни Аннабель пробовала расспрашивать мужа о его родне, но он в ответ погладил ее по щеке и сказал, что она — его единственная семья и другой ему не нужно.

Что касается религии, она знала, что его дедушка и бабушка были буддистами, и как-то раз Кенджи упомянул, что жил в буддистском монастыре, когда учился в колледже. Она помнила, как он при этом смеялся: «Потешно, правда? Я — и вдруг монах!» И она тогда тоже засмеялась, потому что ничего монашеского в нем не было. Он говорил, что ему не нужна религия, потому что у него есть джаз. Единственной его вещью, имевшей отношение к религии, были молитвенные четки, которые он иногда носил на запястье. Красивые четки, но она никогда не видела, чтобы Кенджи использовал их по назначению. Учитывая его буддистские корни, наверное, было бы неправильно, чтобы на его похоронах распоряжался христианский священник, и на расспросы служащего Аннабель ответила, что у Кенджи не было ни семьи, ни религии, и никакого обряда не нужно. Служитель, кажется, был разочарован.

— А с вашей стороны? — спросил он участливо и, видя ее колебания, добавил: — В такие времена, как наши, быть с семьёй — это благо...

Перед Аннабель промелькнули смутные воспоминания. Сморщенное тело матери на больничной койке. Темный силуэт отчима, маячивший в дверях ее комнаты. Она отрицательно покачала головой.

— Нет, — отрезала она. — Я же сказала, не было у него семьи.

Неужели это так трудно понять? И она, и Кенджи были одиноки в этом мире, и именно это объединяло их до появления на свет Бенни.

Сотрудник похоронного бюро взглянул на часы и продолжил беседу. Как она относится к прощанию? Видя затруднения Ан-

набель, он пояснил. Прощание с тщательно отреставрированными останками близкого человека помогает исцелению душевной травмы, которую наносит присутствие при несчастном случае. Это облегчает болезненные воспоминания и помогает принять реальность физической смерти. Комната для прощания уютна и обставлена со вкусом. Похоронное бюро будет радо предоставить своим гостям прохладительные напитки, богатый выбор чаев с широким ассортиментом вкусных ароматных сливок и... может быть, немного печенья?

Печеньки? Аннабель едва сдержала улыбку. Ей захотелось запомнить этот момент, чтобы потом пересказать Кенджи — его больше всего веселили именно такие абсурдные ситуации — но чтобы не задерживать сотрудника бюро, она поспешно согласилась: печеньки так печеньки. Служащий сделал пометку и спросил, какими будут ее пожелания относительно способа захоронения останков ее спутника жизни. Сидя на краю мягкой кушетки и слыша собственные ответы «да» на кремацию и «нет» на захоронение на кладбище или полке в колумбарии, она вдруг поняла, что не сможет рассказать Кенджи о вкусных ароматных сливках и печеньках, потому что Кенджи *мертв*. За этой мыслью тут же хлынули другие: что покойник, захоронение которого они тут обсуждали, — это был *Кенджи*, а останки — то, что осталось от Кенджи, его тела, которое она так хорошо знала и любила, и могла, закрыв глаза, отчётливо представить: мускулистые плечи, смуглая гладкая кожа, изгиб обнажённой спины.

Аннабель, извинившись, попросила разрешения воспользоваться туалетом. Конечно, вот сюда, пожалуйста. Пройдя по устланному ковром коридору, она закрыла за собой дверь. В туалете в каждой розетке, источая ароматы, торчали освежители воздуха. Аннабель упала на колени перед унитазом, и ее вырвало в ярко-синюю дезинфицированную воду.

Итак, тело Кенджи положили в открытом гробу в помещении типа приемной в погребальной конторе. Когда Бенни с Аннабель приехали на церемонию прощания, распорядитель похорон провел их туда и деликатно отступил назад, чтобы не мешать. Аннабель глубоко вздохнула, ухватила сына за локоть и двинулась к гробу. Бенни никогда раньше не ходил с матерью так, чтобы она держалась за его руку, словно ища опоры. Он почувствовал себя каким-то поручнем

или парпетом. Неловко напрягшись, он поддержал ее и повел вперед, и так они и встали бок о бок у самого гроба.

Кенджи и при жизни был некрупным мужчиной, а теперь стал ещё меньше. На нем был голубой клубный пиджак в полоску, который выбрала для него Аннабель и который он надевал с черными джинсами, играя на летних свадьбах, не хватало только поркпая. Поперек груди его лежал кларнет. Аннабель испустила ещё один вздох, тихий, протяжный и прерывистый.

— Хорошо выглядит, — прошептала она. — Как будто просто спит. И гроб красивый.

Бенни ничего не ответил, и она потянула его за руку:

— Правда же?

— Да, вроде бы, — сказал Бенни. Он внимательно посмотрел на тело, лежавшее перед ним в вычурном гробу. Глаза у тела были закрыты, но для спящего лицо было каким-то недостаточно живым. Оно было недостаточно живым даже для умершего. Оно выглядело так, будто живым никогда и не было. Кто-то замазал на нём синяки косметикой, но его отцу никогда бы не пришлось в голову краситься. Кто-то расчесал его длинные черные волосы и рассыпал их по атласной подушке. Но Кенджи ходил с распущенными волосами только дома, когда отдыхал, а на людях он всегда собирал их в толстый черный пучок на затылке. Все эти детали убедили Бенни, что лежащее в гробу — не его отец.

— Ты и кларнет его хочешь сжечь?

Они сели у стены на жесткие складные стулья и стали ждать. Пришла их квартирная хозяйка, старенькая миссис Вонг. Две коллеги Аннабель. Музыканты-коллеги Кенджи и его друзья по клубной сцене. Музыканты остановились в дверях с таким видом, словно уже хотели уйти, но распорядитель похорон погнал их дальше, и они, нервничая, подошли к гробу. Некоторые застыли на месте, глядя на труп. Другие разговаривали с ним, отпускали шуточки вроде «серьезно, чувак, фургон с курами?». Аннабель притворилась, что не слышит. Потом, заметив стол с закусками, они поспешили туда, задержавшись лишь, чтобы неловко посочувствовать Аннабель и быстро обнять и погладить по голове Бенни. Аннабель была с ними любезна. Как-никак это были друзья её мужа. Бенни уже исполнилось двенадцать, и он терпеть не мог поглаживания, а объятия вообще ненавидел. Кто-то из музыкантов по-дружески ткнул его кулаком в плечо. Против этого Бенни не возражал.

Наверное, именно лежащий в гробу кларнет навел кого-то на эту идею. По мере того как люди подходили, музыкальных инструментов становилось больше, а потом несколько человек из ансамбля устроились в углу комнаты и начали играть. Мягкий джаз, ничего вызывающего. Подошли ещё люди. Когда на столе рядом с закусками и сливками появилась бутылка виски, распорядитель похорон, кажется, хотел возразить, но трубач отвел его в сторонку и поговорил с ним. После чего тот удалился, и оркестр продолжил играть.

Кенджи водился с ребятами, которые знали толк в культурных мероприятиях, так что, когда настала пора везти тело их покойного друга в крематорий, музыканты отпустили катафалк и взяли дело в свои руки в самом буквальном смысле. Аннабель пошла с ними. Гроб был тяжелым, но сам Кенджи весил мало, так что они, подменяя друг друга, смогли пронести его на плечах, в ново-орлеанском стиле¹, всю дорогу, по узким переулкам и темным, скользким от дождя улицам. Аннабель и Бенни шли следом. Кто-то провел их в начало процессии, сразу за гробом, и вручил Бенни ярко-красный зонтик, который он с гордостью держал над головой матери, как флаг или вымпел, пока его рука не одеревенела так, что казалось, вот-вот сломается.

Была весна, и дождь сбивал бледно-розовые лепестки с цветущих слив, и мокрый тротуар был усыпан и облеплен ими. Над головой кружили и кричали чайки, поднимаясь в воздушных потоках все выше и выше. С высоты их полета красный зонтик далеко внизу должен был казаться красноватым глазом огромной змеи, неторопливо извивавшейся по мокрому городу. Вороны держались пониже и следили за процессией более внимательно, перелетая с ветки на ветку, садясь на уличные фонари и электропровода. К этому времени оркестр играл уже почти в полном составе; скорбящие шагали под проливным дождем, музыканты исполняли поминальные мелодии, по очереди прикладываясь к бутылкам в коричневых пакетах, а следом за процессией, как потревоженный ветром мусор, кружились проститутки и наркоманы.

В помещении крематория не хватало места для всех присутствующих, но дождь кончился, поэтому музыканты остались на улице и продолжали играть. Аннабель и Бенни шли за гробом

¹ Похороны, особенно музыкантов, в Новом Орлеане в начале XX века включали в себя шествия с исполнением джазовой музыки, иногда довольно веселой. Гроб при этом часто несли на руках.

до самого входа, но когда дверь открылась, Бенни заупряился. Он уже слышал про печь. Даже если то, что лежало в ящике, и не было его отцом, он не хотел смотреть, как это бросят в огонь и сожгут как полено или поджарят как кусок мяса. Поэтому он заявил, что останется на улице вместе с трубачом, который сказал на это: «Ништяк». Аннабель на какой-то момент растерялась, но потом приняла решение. Взяв руками гладкое круглое лицо сына, она быстро поцеловала его, сказала трубачу: «Не спускайте с него глаз», — и скрылась за дверью.

С панихидных мелодий оркестр перешёл на репертуар Бенни Гудмена. Кенджи больше всего любил Гудмена. Они сыграли «Body and Soul» и «Life Goes to a Party». Потом они сыграли «I'm a Ding Dong Daddy», и «China Boy», и «The Man I Love», и все это время Бенни представлял себе пламя печи, и сердце его бешено колотилось. Когда подошла очередь соло на кларнете в «Sometimes I'm Happy», духовые умолкли, и только барабанщик негромко отбивал ритм щёткой, подчеркивая молчание кларнета. Это была партия Кенджи, и казалось, что его призрачная импровизация все же доносится откуда-то из тумана. А может быть, Бенни действительно слышал ее. Он внимательно вслушивался, а в тот момент, когда минута молчания закончилась и вновь вступил оркестр, Бенни потихоньку ушел. Как и его отец, он был сухощавым. Худенький парнишка, как пескарь, проскользнул между музыкантами, которые к тому времени были уже изрядно навеселе и ничего не заметили. Бенни видел, куда ушла мать. Когда тяжелая дверь закрылась за ним, с улицы ещё доносилась музыка, но он теперь прислушивался к чему-то другому.

«Бенни?»

Голос доносился откуда-то из глубины здания, и Бенни пошёл туда. Чем дальше он шел по полутемному коридору, тем громче становился шум вентиляции. Вскоре он оказался в какой-то приемной с кушеткой и низкими мягкими стульями. На столике у стены стояла ваза с белыми пластиковыми лилиями, рядом с ней — коробка бумажных салфеток. Широкое панорамное окно выходило на ретортную печь, и хотя Бенни не знал, как она называется, он понимал, что происходит внутри, по другую сторону стекла. Он увидел там свою мать. Она держала отцовский кларнет, и в ее руках он выглядел странно и неуместно, потому что она не умела играть. Рядом с ней стоял вычурный гроб. Он был пуст. Куда подевалось тело? Мать была одна, не считая

сотрудника крематория. Они стояли по разные стороны длинной и тонкой картонной коробки, такой невзрачной, что Бенни даже не замечал ее, пока вновь не услышал голос.

«Бенни?..»

Папа?

Это был голос его отца. Бенни едва слышал его из-за шума вентиляции, но понял, что он доносится из картонной коробки. Он встал на цыпочки, пытаясь заглянуть внутрь.

«Ох, Бенни...»

Голос отца был печальным, он словно бы хотел сказать что-то, но теперь было уже поздно; и действительно, в этот момент Аннабель кивнула и отвернулась, а служащий закрыл коробку крышкой.

— Мама! — закричал Бенни, стуча ладонями по стеклу. — Мама!

Словно по собственной воле, коробка начала двигаться.

— Нет! — крикнул Бенни, но стекло было толстым, а вентиляция громко шумела, и коробка продолжала двигаться по короткому пандусу к печи, заслонка которой открылась ей навстречу. Он увидел огненное жерло с языками пламени, услышал басовитый рев огня и воздушной тяги, к которым примешивалась одинокая трель тромбона с улицы. «Don't Be That Way». Они играли «Don't Be That Way».

— Нет! Нет! — кричал Бенни и стал стучать по стеклу кулаками.

Тогда Аннабель подняла глаза. Она сжимала в руках кларнет Кенджи, лицо ее было белым как пепел, и по нему струились слезы. Увидев сына за стеклом, она протянула к нему руки, и ее губы беззвучно произнесли его имя.

«Бенни!..»

Коробка за ее спиной скользнула в жерло печи, и заслонка закрылась.

К тому времени, когда они вышли из крематория, Бенни уже успокоился. Большинство музыкантов собрали вещи и разошлись по домам, только двое парней ещё бродили по мемориальному саду. Трубач, прислонившись спиной к стене, играл печальную версию «Smoke Gets into Your Eyes». Из высокой трубы крематория струился вверх прозрачный жаркий поток.

Их подвезли до дома, и Бенни сразу же лег спать и проспал до утра. Когда он наконец проснулся, Аннабель сказала ему не ходить в школу и разрешила до самого обеда играть в компьютер. После обеда они опять поехали в погребальную контору, за прахом Кенджи. Ехали на автобусе, долго и нудно. Пепел был упакован в пластиковый мешок, а тот лежал в пластмассовой коробке, которую уложили в обычный коричневый хозяйственный пакет. Бенни отказался держать этот пакет в автобусе, хотя никому из пассажиров и в голову бы не пришло, что в этом пакете человеческие останки. Когда они шли домой от автобусной остановки, в переулке собрались вороны, они садились на ворота и крышу их дома. Когда-то Кенджи соорудил для них на заднем крыльце кормушку из найденной на мусорке старой подставки для телевизора. Когда Аннабель отпирала дверь черного хода, она заметила, что кормушка пуста, и решила покормить ворон. Положив пакет с прахом мужа на кухонный стол, она вынула противень и включила духовку на разогрев.

— Рыбные палочки или куриные наггетсы?

— Все равно.

Нужно его чем-нибудь занять, подумала Аннабель. Каким-нибудь делом.

— Родной, покормишь папиных ворон?

Она сняла с дверной ручки и вручила ему пакет черствых юэбинов¹, которых Кенджи набрал в мусорных баках китайской пекарни. Теперь ей, среди прочих свалившихся на неё обязанностей, нужно будет регулярно собирать эти черствые пряники.

Бенни вышел с пакетом на крыльцо и через некоторое время вернулся.

— Вот, — сказал он и протянул матери крышку от бутылки, створку ракушки и потускневшую золотую пуговицу. Она поставила ладонь, и он вручил ей все это добро.

— Очень странно, — сказала Аннабель, рассматривая пуговицу. — Я слышала, что вороны иногда оставляют подарки... Как ты думаешь...

Она хотела поделиться с сыном мыслью, которая вдруг пришла ей в голову, но так же внезапно оборвала себя.

— Что? — спросил Бенни.

¹ Китайские пряники в форме полной луны.

— Так, ничего. — Она взяла с полки небольшую чашку и аккуратно сложила туда все эти предметы. — Не уберешь со стола, дорогой?

На столе все еще лежал хозяйственный пакет с пеплом. Бенни перевел на него взгляд. Пакет как пакет, словно продукты из гастронома принесли.

— Ты собираешься оставить это здесь?

— Я подумала, что мы подыщем для него подходящее место после ужина. — Она открыла морозильник и достала оттуда куриные нагетсы. — Знаешь, как в Японии делают? Кладут пепел на маленькие домашние буддийские алтари.

— У нас нет алтаря.

— Можно сделать, — сказала Аннабель, раскладывая нагетсы на противне. — На какой-нибудь из книжных полок. Можно поставить туда папины любимые вещи, например, кларнет, чтобы они были с ним в следующей жизни. Налей себе молока и поставь тарелки.

Она поставила противень в духовку и закрыла дверцу.

— Он будет что, типа зомби?

— Нет, дорогуша, — рассмеялась Аннабель. — Твой папа не зомби. Загробная жизнь — это то, во что верят буддисты. Это когда твоя душа воскресает и возвращается к жизни в другом теле.

— Он станет другим человеком?

— Не обязательно человеком. Может быть, животным. Например, вороной...

— Чудно как-то, — сказал Бенни, подходя к ящику со столовыми приборами. — Но мы же все равно не буддисты. Мы — никто.

Подергав старый ящик, он рывком открыл его.

— А ты хочешь стать кем-то? — взглянув на него, спросила Аннабель.

— В каком смысле?

— Ну, в этом. Буддистом или ещё кем-нибудь. Может быть, христианином?

— Нет. — Бенни достал из ящика вилки и свою личную ложку и положил их на стол, держать подальше от пакета с прахом. Затем взял из кухонного шкафа стакан и пошел к холодильнику.

— Твой папа был буддистом, — сказала Аннабель. — Может быть, он им и остался.

— Сейчас?